
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Д. А. ПУЗЫРЁВ, Е. А. ПУЗЫРЁВА

СВОБОДА ОТ ВЕРЫ – НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ МИФИЧЕСКАЯ ПАНАЦЕЯ?

Формируясь на обломках древнегреческой и древнеримской культур, в непростых исторических условиях европейская цивилизация достаточно длительное время развивалась в теснейшей связи с христианской религией. Это обстоятельство обусловило тот факт, что многие новации, затрагивающие жизнь средневекового европейца, либо предавались анафеме и гибли на кострах инквизиции, либо, получив благословение церкви, становились повседневной реальностью. Немаловажно и то, что христианство, будучи религией книги, само в известной степени способствовало развитию образования, что также стало одним из стимулов развития европейской цивилизации. К тому же именно протестантской этике, возникшей в лоне реформированного христианства, Европа (добавленные в этот список США, а также с некоторыми оговорками и Канада будут вполне вписаны в логику излагаемых событий) во многом обязана нынешним экономическим могуществом и доминированием в современном мире, в связи с чем европейскую цивилизацию до некоторой степени можно назвать христианской.

Однако с течением времени в условиях жесткой опеки католическим духовенством всех сторон жизни европейцев и в обстоятельствах жесткого диктата папской власти, основанного на иррациональных предпосылках, некоторые недовольные, часто чем-то «обиженные» (в исторической литературе можно встретить

другой термин – «прогрессивные») европейские мыслители начинают обосновывать необходимость полного освобождения разума от опеки веры.

Но только эпоха Просвещения ознаменовала собой первые последовательные и, что более важно, теоретически осмысленные попытки ученого сообщества Европы противопоставить разум вере. Важно отметить, что сначала подобные старания носили в основном спорадический характер и являлись скорее некими сомнениями относительно истинности существующей реальности, чем системными требованиями по изменению сложившегося способа организации взаимоотношений «церковь – государство – индивид».

И только по мере развития научных знаний, известной демократизации общественных отношений призыв к отделению разума от веры все больше превращался в реализуемый на практике лозунг.

Данное обстоятельство было отнюдь не случайным. Так, по мнению деятелей эпохи Просвещения, атеистически настроенных мыслителей и философов XIX в., именно примат разума над верой, стимулируемый поступательным развитием науки и техники, станет необходимым условием небывалого прогресса человеческой цивилизации. Обозначенные настроения элиты при значительной поддержке среды простых обывателей привели к тому, что уже в XX столетии противопоставление веры как особого феномена религиозного сознания индивида и разума достигает своего апогея.

А разум начинает выступать не только в качестве гаранта общечеловеческого прогресса, но и в роли ключевого регулятора общественных отношений, замещаая собой многовековые морально-нравственные предписания, лежащие в основе традиционных религиозных верований. В связи с чем значительной части человечества начинает казаться, что в сложившейся ситуации земной рай должен стать неминуемой реальностью...

Однако мы стали свидетелями обратного: вместо пострелигиозного рая на земле мы получили две опустошительные по своим масштабам мировые войны, бесконечные гражданские войны и локальные конфликты, проходившие на фоне холодной войны, в любой момент грозившей перерасти в третью мировую

(первую ядерную). Картину «светлого» будущего XX столетия дополнили разработанное и опробованное на живых людях химическое и биологическое оружие, этнические чистки и другие антигуманные элементы. А XXI в., кроме всего прочего, поставил перед цивилизованным человечеством новую глобальную проблему – международный терроризм¹. Кроме этого, в копилку проблем человечества, инициированных заметным падением нравственных ориентиров и идеалов, носителями и трансляторами которых во многом были именно религиозные институты, в прошлом веке были добавлены проблемы СПИДа, наркомании, проституции и другие.

Такое плачевное положение вещей привело к тому, что подобное мракобесие длилось недолго и уже во второй трети XX в. наступило некоторое просветление. Разум в условиях широкой бездуховности, прогрессирующего упадка нравственности больше не кажется панацеей. Философы, ученые и просто думающая и ответственная часть человечества постепенно начинают осознать ограниченность возможностей разума и ошибочность упования на чистую науку, на технологический прогресс, не подкрепленный духовностью. Сходные настроения стали следствием известного морального разращения значительной части человечества, особенно его золотомиллиардного сегмента, которое, однако, происходило на фоне непрекращающегося научно-технического прогресса, каковой сам по себе так и не смог предложить новые,

¹ Интересно, что многие исследователи указывают на непосредственную связь международного терроризма с радикальным исламом, поэтому вовсе не случайно, что в повседневную практику прочно вошел термин «исламский (или «исламистский») терроризм», который правомерен в том смысле, что политический проект, выдвинутый террористами, использует существенные элементы исламской веры, догматики, а также выдвигает конкретный план создания «Вселенского Халифата», построенного на принципах, заложенных пророком Мухаммедом. Данное обстоятельство во многом есть следствие глобализации: многие жители исламского мира, став главной «жертвой» процессов глобализации, на основе идеологии ислама создают свою альтернативную модель развития, которая отличается крайним радикализмом. В этой модели терроризму отводится роль средства, с помощью которого будет возможна ее реализация на практике. Однако необходимо обратить особое внимание на то, что использование термина «исламский (или «исламистский») терроризм» ни в коем случае не ведет к постановке знака равенства в системе «ислам – террор», этим лишь указывается на конкретную группу – носительницу данной идеологии. Отсюда следует, что хорошо известный и широко употребляемый в современной науке термин «международный терроризм» является «исламским» (или «исламистским») лишь в той степени, в которой его вдохновители и идеологи используют значимые элементы соответствующей религиозной идеологии, что на данном этапе и выступает в качестве ключевой характеристики изучаемого феномена.

приемлемые для большинства населения планеты², а что важнее, освященные давней традицией формы и способы человеческого общежития. В таких обстоятельствах религиозный ренессанс конца XX в. становится вполне закономерным итогом.

* * *

Но ради справедливости стоит отметить, что еще дальше в своих атеистических изысканиях пошли идеологи первого в мире государства рабочих и крестьян, которые попытались не просто разграничить области разума и веры – требование, в благоразумном пределе сегодня понимаемое всяким образованным человеком,

–

а противопоставить веру в божественное (сверхъестественное) человеческой сущности вообще. Но в пику всем логическим конструкциям идеологов научного коммунизма созданное ими государство воинствующего атеизма ждал отнюдь не расцвет... А открытый геноцид своего народа, начатый после победы в Гражданской войне, не прекращался вплоть до самой гибели этой страны, с течением времени лишь принимая все новые и новые формы, имеющие более скрытый, закамуфлированный характер.

Дабы не быть голословными, обратимся к историческим фактам. Так, если в феврале 1917 г. одна из наиболее спорных составных частей уваровской триады – самодержавие, на котором, по словам известного министра просвещения XIX в., зиждилось государство Российское, – канула в Лету, то на православие и русскую народность на тот момент никто не рискнул покушаться. Однако большевики понимали, что с неимоверным трудом одержанная в Гражданской войне победа и связанная с этим надежда на скорую победу мировой пролетарской революции не может гарантировать невозможность восстановления Российского

² Некоторые скептики могут возразить, что, мол, априори в силу известного культурно-цивилизационного разнообразия человечества не существует и не может существовать единых для всех разумных жителей Земли норм и правил поведения. Однако мы обратим особое внимание на тот факт, что базовые морально-нравственные категории все-таки являются одинаково ценностными и практически значимыми для большинства представителей рода человеческого вне зависимости от их религиозной и культурно-цивилизационной принадлежности. Речь здесь прежде всего идет о таких нравственных призывах, как «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т. п. Кроме этого, большинство мировых конфессий и национальных религиозных систем в той или иной степени признают ценность человеческой жизни, неприкосновенность имущества, определенную свободу интеллектуальной деятельности и другие ценности.

государства в нежелательной для них форме, пока существуют такие мощные идеологические ориентиры, как великорусская идея и православие. Все это стимулировало наблюдаемый и усиливаемый с течением времени нажим на православие как на цементирующую идеологию единого Российского государства, чуждого абстрактно понимаемому духу пролетарского единства, а также ускоренное проведение уникального социокультурного эксперимента, направленного на создание нового типа человека, чуждого культурной, национальной, а главное – конфессиональной идентификации (общности). Вполне возможно, это и стало одним из важнейших, но скрытых (неявных) мотивов культурной революции 20-х гг.

Инициированная в конце 20-х гг. XX в. в соответствии с теорией социалистического преобразования народного хозяйства индустриализация требовала огромных финансовых вложений, которых не могло быть у разоренной Первой мировой и Гражданской войнами страны. Начатый же в 1921 г. НЭП существенно улучшил внутреннее положение страны, но идеологические и бюрократические препоны свели к минимуму его благие начинания. В таких условиях финансирование ускоренной индустриализации должно было осуществляться путем продолжения разорения села, а дополнительные, но крайне значительные средства приносило дальнейшее разграбление храмов и монастырей (начатое еще в конце Гражданской войны), вывоз и продажа общенациональных святынь за рубеж.

Однако самым сильным испытанием для православной церкви Всея Руси стали репрессии конца 30-х гг. Казалось, они должны были подвести жирную черту под многовековым и взаимовыгодным (если в данных исторических обстоятельствах вообще подходит выбранное слово) сожительство народа российского и христианства восточного образца. Но выдержав и это нелегкое испытание, правда, с немалыми утратами, православная церковь вместе со своим многострадальным народом встала на защиту Родины в начавшейся Великой Отечественной войне, по окончании которой едва заметное в годы бушующей войны потепление в отношениях большевистского государства к церкви сошло на нет. Это было вызвано тем, что такое

идеократическое государство, как СССР, не могло позволить, под угрозой своей неминуемой гибели, существование на собственной территории *иной*, а отчасти и альтернативной, идеологии. Поэтому как только угроза опасности для большевистского режима в лице А. Гитлера миновала, политика в отношении православия вновь ужесточилась. Правда, справедливости ради признаем тот факт, что репрессий в прежних, сталинских, масштабах уже не наблюдалось, на вооружение были взяты другие методы и средства проведения в жизнь государственной политики. Да и страна, победившая фашизм, была уже совсем другой...

Так, уже в брежневскую эпоху взятая за основу большевистского государства коммунистическая идея начала лишаться романтического ореола первых лет революции, все чаще и чаще показывая свою иллюзорность и несостоятельность. Однако только в период горбачевской перестройки едва заметные во времена Л. Брежнева ростки критического осмысления действительности дали настоящие всходы.

Начавшийся в середине 1980-х гг. кризис, охвативший все стороны государственной жизни, поколебал завоеванные в жесточайшей борьбе позиции большевистской идеологии, которая оказалась совершенно не способной дать актуальные ответы на появившиеся перед тогдашним обществом вызовы и угрозы. В таких непростых условиях жаждущее мало-мальского утешения большинство населения терпящего агонию советского государства обращается к традиционным религиозным верованиям, среди которых важное место, безусловно, занимает православие, в результате чего на рубеже 80–90-х гг. XX в. постсоветское пространство переживает бурный период религиозного ренессанса.

Таким образом, сложилась довольно парадоксальная ситуация: бегство к свободе от веры и связанные с этим надежды на счастливое будущее первого в мире государства воинствующего атеизма привели к совсем противоположному результату. И если в начале своего формирования советское государство активнейшим образом способствовало закрытию православных приходов (та же участь ждала и другие конфессии бывшей Российской империи), то в середине 80-х гг. это государство уже не могло, да и не имело морального права, препятствовать их возрождению.

* * *

В свете изучаемой нами проблемы определенный интерес вызывает тот факт, что, несмотря на численное увеличение количества приходов традиционных и нетрадиционных для европейской части бывшего СССР конфессий, отчасти ставшее закономерным следствием произошедшего религиозного ренессанса, посткоммунистическое общество вновь образованных независимых государств все же не имеет настоящей традиционности. А в менталитете современных граждан России, Беларуси и Украины атеизм тесно переплетен с религиозностью. К примеру, согласно данным социологических опросов 2005–2006 гг., 56 % населения Беларуси – верующие. При этом количество неверующего населения постепенно уменьшается. Так, за 2005–2007 гг. их количество сократилось с 13 % до 12 % (Гуляко 2007). Но при этом, по данным социологов НАН Беларуси, 25,3 % опрошенных никогда не посещают религиозные службы, а 53 % ходят на богослужение 1–2 раза в год. Еще 5,9 % – лишь раз в месяц (Землякоў, Марозаў 2003: 7). Таким образом, более половины респондентов никогда или почти никогда (за исключением венчаний, похорон и крещения) не бывают на религиозных церемониях (Там же). Однако именно постоянное посещение культового заведения и отправление там религиозных культов и предписаний является обязанностью адептов большинства ведущих религиозных систем.

Итак, подытоживая вышесказанное, отметим, что данные многочисленных соцопросов, а также эмпирические наблюдения авторов позволяют говорить о поверхностном религиозном сознании большинства так называемых верующих (если таковое вообще имеет место), которое не затрагивает стержневые основы мировоззрения конкретной личности.

При оценке сложившейся религиозной обстановки напрашивается условная историческая параллель: если до Реформации в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) политические элиты княжества и различные слои шляхетского сословия в большинстве своем придерживались православного вероисповедания, то уже со второй половины XVI в. мы наблюдаем массовый переход православных в различные реформационные течения, главным образом в кальвинизм. Тем не менее с началом

контрреформации наблюдается отход новоявленных верующих от нетрадиционных для рассматриваемого периода конфессий протестантского толка. Однако бывшие православные фамилии ВКЛ в большинстве своем возвращаются не к вере своих предков, а переходят в католицизм. Обращаясь к современности, отметим, что во время развала в ту пору уже условно атеистического СССР потенциальные верующие также в определенной степени стояли на перепутье, перед историческим выбором: вернуться в лоно веры своих предков (для большинства населения это, конечно же, православие) либо стать адептом активно спонсируемых из-за рубежа разнообразных религиозных движений и сект, главным образом неопротестантского толка. Но дальнейшее развитие изучаемых событий позволяет говорить о том, что православные иерархи отчасти учли полученный исторический опыт. При этом тесная связь Московского патриархата с вновь образованными политическими элитами, его известная демократичность, сочетаемая с жесткой позицией, направленной на недопущение активной миссионерской деятельности в своих исторических вотчинах представителей иных конфессий, главным образом католицизма, способствовала активному возрождению приходов РПЦ, заметному увеличению паствы.

Но, как представляется, и сама паства далеко не однородна в своем отношении к религии. Она объединяет как истинно верующих людей, так и тех, кто таковыми не является, но придерживается православия как надежного средства идентификации с определенной социальной группой, которая оказывает прямое или косвенное влияние на социализацию отдельной личности, а также вселяет чувство общности, «коллективизма», свойственного восточнославянской ментальности. Отчасти это не только практично, но и модно! Появление последней категории людей есть своеобразный феномен XXI в., известное наследие атеистического прошлого. Это своеобразие проявляется в том, что, не являясь верующей в классическом понимании этого слова, рассматриваемая категория людей тем не менее придерживается многих вероучительных установок и моральных предписаний

данной религиозной системы³, а также участвует в отправлении наиболее значимых культовых церемоний, которые в своей основе не затрагивают привычное для них течение жизни.

Подобная раздвоенность сознания посткоммунистического человека таит в себе определенные опасности. Так, в известной степени гремучая смесь атеизма и веры сама по себе бросает определенный вызов человеческой нравственности, а при умелом манипулировании ею разнообразными религиозными и псевдорелигиозными сектами и движениями, а также деструктивными политическими акторами она превращается в немалую общественную угрозу. К примеру, убийства в конце 2009 г. двух православных священников в Московском регионе, поджог в 2007 г. церкви в Мозыре, а накануне Рождества 2010 г. в Рогачевском районе – это не просто бесчеловечные преступления деградирующих личностей, сатанистов и подобных им экземпляров, но и своего рода моральный вызов ценностям и идеалам конкретного общества, проявление его неполного нравственного здоровья. К тому же следует отметить, что наблюдаемое в наши дни заметное увеличение числа верующих есть результат не только кризиса мировоззрения постсоветского человека, переориентации его жизненных ценностей и установок, итог определенных моральных изысканий, но и, к сожалению, плод конъюнктурных соображений, дань моде, если угодно (на что мы уже обращали свое внимание). Так, наблюдая за прямыми трансляциями церковных служб из крупнейших кафедральных соборов и узнавая среди мирян бывших высокопоставленных чиновников исчезнувшего советского государства, в особенности экс-служащих силовых структур, помимо воли задумываешься об искренности их веры. Кроме этого, насаждение западных идеалов с их неременной ориентацией на культ достатка, богатства и его активную пропаганду привело к тому, что нательный крестик – предмет христианского культа, символ памяти христианина о страданиях Христа – в большинстве случаев из культового предмета превратился в шикарное украшение, не более того.

³ Подобный конфессиональный выбор может быть основан как на рациональных, так и на иррациональных посылах, при этом немалое влияние на этот процесс оказывают культурно-исторические традиции конкретного общества.

Во многом претерпело серьезные изменения и само отношение большинства так называемых «верующих» к религии, которое во многом стало подчеркнуто прагматическим. Прискорбно говорить о том, что очень многие люди идут в храм лишь тогда, когда им что-то нужно, и этому есть масса примеров... Даже само возвращение бывших атеистов в лоно веры их предков в условиях разрухи, доминирующей в период конца 80-х – начала 90-х гг., при явном преобладании компенсаторной функции религии во многом можно объяснить именно прагматическими настроениями, даже пусть и не до конца осознанными.

Итак, насытившись всевозможными социальными экспериментами, коими особенно был богат XX в., большая часть человечества все же возвращается назад, к своим культурным и религиозным истокам. Таким образом, касаясь российского общества отметим, что здесь необходимо избежать таких присущих российскому самосознанию крайностей, как насаждение при помощи административного и прочего ресурса того или иного религиозного культа, чрезмерное увлечение языческими культурами, тотальная демонизация славных страниц своей недавней истории и т. д. Кроме этого, как представляется, наличие большого числа «верующих согласно моде» гораздо опаснее наличия специализированных структур и обществ, специально созданных для претворения в жизнь идеологии воинствующего атеизма, в том числе и с помощью насилия, поэтому всевозможным религиозным институтам и другим заинтересованным сторонам необходимо всячески способствовать пресечению соответствующей практики.

* * *

В середине 1990-х гг. З. Бжезинский, отвечая на вопрос о том, какие убеждения в России могут прийти на смену коммунистическим, заявил: «Опасность заключается в том, что это может оказаться некой формой традиционного православия, замешанной на шовинизме и выражающейся в имперских рефлексах». Таким образом, следуя логике известного американского политолога, главным врагом Америки становилась Русская православная церковь. Однако Россию в геополитических раскладах того времени никто всерьез не принимал, вот почему этому заявлению не уделили должного внимания. Но, несмотря на

это, после 1991 г. мы стали свидетелями небывалого всплеска миссионерской деятельности нетрадиционных для европейской части бывшего СССР верований и культов, активно спонсируемых из-за рубежа, главным образом из США. Несомненно, что кроме желания расширить число адептов определенной религиозной организации, постепенно привить иные ценности и идеалы, освещаемые данной религиозной системой⁴, тем самым «вживив» трещину недоверия в фундамент формируемой постбиполярной государственности на территории бывшего Советского государства, подрывая таким образом основы государственного суверенитета, преследовались и другие цели, наиболее важная из которых – подрыв влияния традиционных для данного региона конфессий, тесно связанных с героической историей своего народа.

Ко всему прочему при анализе подобных утверждений З. Бжезинского и прочих американских исследователей и политиков нам не следует забывать и о нескончаемой американской мессианской риторике, которую с момента образования США как независимого государства взяли на вооружение периодически меняющиеся хозяева Белого дома. Однако первоначально подобные заявления не могли рассматриваться крупнейшими мировыми игроками всерьез, и лишь по окончании Второй мировой войны и после произошедшего за этим оформлением США в качестве одной из двух сверхдержав, своеобразного полюса силы, мессианская риторика этого государства получила дополнительную и весьма весомую аргументацию. И тем не менее мощнейший идеологический импульс мессианские устремления США получают только с победой в холодной войне, в так называемый «конец истории» как таковой, то есть в момент завершения идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Правда, следует признать, что с уходом «говорящей с Богом» администрации Дж. Буша-младшего пыл официального мессианизма в риторике Белого дома несколько поубавился, чему способствует не только и не столько приход к власти нового президента США – Б. Обамы, но и

⁴ Так, растущие как грибы после дождя под аккомпанемент щедрых финансовых потоков со стороны разнообразных американских неправительственных организаций религиозные организации неопротестантского толка выступают рьяными сторонниками ныне бурно развивающихся процессов глобализации.

те фундаментальные проблемы, с которыми столкнулось это государство.

При этом, как ни парадоксально это звучит, именно широкая экспансия протестантских миссионеров и всевозможных религиозных и неправительственных фондов (главным образом англосаксонского происхождения), равно как и обширно муссируемая тема исламской угрозы, на фоне заметного падения уровня жизни, кризиса прежних социальных идеалов во многом спровоцировала тенденцию к реправославизации. В данном процессе православие негласно начинает рассматриваться доминирующей частью населения в качестве определенного духовного ответа вызовам и угрозам посткоммунистическому русскоязычному сообществу, некой альтернативной силой⁵ навязываемым из-за рубежа ценностям и идеалам. Подобные настроения крепнут по мере осознания думающей общественностью утопичности, а часто и откровенного вреда от слепого следования программам и сценариям, насаждаемым при активной поддержке из-за океана западноориентированными политиками. Тем более что сходные прецеденты в мировой практике уже есть. Так, например, исламский радикализм с полным на то основанием мы можем рассматривать в качестве идеологии и социально-политической практики, альтернативной современным процессам глобализации (см. подробнее: Пузырьёв 2007б; 2007а).

Однако с православием все намного сложнее. В нем нет догматизированного положения, признающего неизбежный раскол

⁵ Так, например, социологи К. Каарилайнен и Д. Фурман в своей работе «Религиозность в России в 90-е гг.», опубликованной в 2002 г., показывают, что в российском обществе сложился настоящий «проправославный консенсус»: в 1999 г. 94 % всех респондентов заявили, что они «хорошо» или «очень хорошо» относятся к православию. Причем и это исследование подтверждает, что конфессиональная идентичность часто смешивается с национальной и культурной: в 1999 г. назвали себя православными 82 % всех русских респондентов. Это 98 % верующих, 90 % колеблющихся, 50 % неверующих, 42 % атеистов. То есть православных оказывается больше, чем верующих: «...в полном противоречии с “нормальной” логикой и прямым значением терминов в современной России понятие “православный” не является частью более широкого понятия “верующий”, а, скорее, наоборот – понятие “верующий” является частью понятия “православный”» (Фурман, Каарилайнен 2006). Подобную тенденцию отмечает и Л. Гуляко, уполномоченный по делам религий и национальностей в Республике Беларусь. Он также отмечает, что более 90 % населения Беларуси (независимо от вероисповедания) положительно относится к православной церкви (Гуляко 2007).

общины верующих на секты⁶, как одного из важнейших положений Сунны, что является идеологической основой для существования многочисленных течений в исламе. Напротив, ересь (инакомыслие) в православии порицаема, даже если такое инакомыслие преследует благие цели. К тому же православие не является такой политически активной религией, как ислам. Так, РПЦ, как и христианство в целом, следуя заветам Иисуса, признает «кесарево за кесарем»⁷.

В исламе же наоборот – общество и государство созданы самим пророком по указаниям Бога, поэтому их спокойствие, единство и сила имеют непосредственную религиозную ценность, что во многом и объясняет социально-политическую активность ислама. Таким образом, вероучительная традиционность и известная ортодоксальность православной церкви часто приводят к тому, что гипотетически возможные и практически реальные политические инициативы и проекты, как правило, аполитичных низовых структур РПЦ, выходящие за рамки ее социальной доктрины, могут быть объявлены еретическими. Поэтому подобные политические проекты могут исходить лишь от высшего руководства РПЦ, которое пока демонстрирует заметную осторожность в отношении рассматриваемой проблемы. Однако отметим, что РПЦ признает неизбежность и даже естественность происходящих в мире процессов глобализации, но при этом вполне справедливо привлекает внимание и к их противоречивости. Так, в статьях и выступлениях ведущих церковных деятелей, как и в официальных документах РПЦ, констатируется, что многие положительные

⁶ Этот раскол предсказан в известном хадисе пророка о 73 сектах, гласящем в наиболее простом варианте: «Раскололись иудеи на 71 секту. И раскололись назреяне на 72 секты. И расколется моя умма на 73 секты». При этом кто бы ни провозглашал себя «спасшейся сектой», – окончательный приговор, то есть квалификация ее в качестве спасшейся, шедшей правильным, истинным путем, принадлежит Богу, а не людям. И до Божественного приговора люди просто не в состоянии определить, какая из сект является спасшейся. Таким образом, взгляды многочисленных исламских сект могут принципиально различаться, но при этом каждая из них в принципе может оказаться той единственной, спасшейся.

⁷ Именно российское православие, веками придерживающееся доктрины цезарепапизма, в большей степени, чем иные крупные христианские конфессии, до последнего времени было отдалено от активного участия в политической жизни. Правда, с распадом СССР в условиях тотального политико-экономического и мировоззренческого кризиса начинается едва заметный, но уверенный рост политического влияния РПЦ в целом. Однако рассматриваемые процессы все равно не идут ни в какое сравнение с размерами и степенью политического влияния современного ислама как в рамках национальных государств, так и на международной арене в целом.

плоды этих процессов доступны пока лишь меньшей части человечества.

Итак, несмотря на осознанное желание РПЦ выступить в качестве духовной альтернативы православного мира процессам глобализации, ею все же не сформирована четкая идеологическая основа подобного процесса. Затрудняет реализацию данного проекта и тот факт, что Россия как государство пока не осознала себя в качестве лидера и покровителя православного мира.

Конфессиональное положение в Республике Беларусь

За последние два десятилетия религиозное самосознание народа значительно возросло, а конфессиональный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни белорусского общества (Гуляко 2009: 14). Распад СССР и образование независимой Республики Беларусь способствовали росту числа последователей всех ведущих конфессий Республики Беларусь⁸. К таким конфессиям относят: Православную и Католическую церкви Беларуси; Евангелическо-лютеранскую церковь, иудаизм и ислам.

Но, несмотря на тенденцию возрастания религиозного фактора, Республика Беларусь сразу по обретении независимости провозгласила себя светским государством, что нашло отражение в политике нашей страны.

Однако государство взяло на себя заботу об обеспечении реализации прав граждан на свободу совести и вероисповедания, подтверждением чему являются принятые нормативно-правовые акты. Среди них следует особо выделить Конституцию Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. «О свободе совести и религиозных организациях» (в дальнейшем – Закон).

В ст. 16 Конституции записано: «Религии и вероисповедания равны перед законом». Из того же принципа равенства религий исходит и Закон «О свободе совести и религиозных организациях» (ст. 6). Конкретизируя ст. 16 Конституции РБ в части, где

⁸ К примеру, если в 1980-х гг. уровень религиозности в Белоруссии составлял примерно 20 %, то в начале 90-х гг. он возрастает до уровня 40–45 %, а к концу 90-х гг. достигает диапазона 40–60 % (о своей религиозности в 1997 г. открыто заявили 37,5 % белорусских граждан) (Землякоў, Марозаў 2003: 8). Приведенные статистические данные позволяют говорить о «религиозном ренессансе», произошедшем на рубеже 80–90-х гг. XX в. на территории Беларуси.

говорится о том, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» (Конституция... 2005), Закон признает определяющую роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовную, культурную и историческую роль Католической церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама (О внесении... 2002).

Важно отметить, что принятый Закон *в равной степени позволяет развиваться всем конфессиям*, но государство в своем сотрудничестве отдает приоритет тем конфессиям, которые неотделимы от истории формирования и развития белорусского народа, благодаря взаимодействию которых сложился неповторимый белорусский менталитет.

Крупнейшей конфессией в Республике Беларусь является православие – древнейшая монотеистическая религия, появившаяся на белорусских землях еще в X в. Количество приверженцев христианства восточного обряда на землях Беларуси постоянно колебалось: от более чем половины населения ВКЛ (конец XIV в.) до 6 % в конце XVIII в., затем снова наблюдался рост числа его приверженцев, но в составе Российской империи, после чего очередная опала в большевистской России, и, наконец, в результате «религиозного ренессанса» конца XX в. количество православных верующих в независимой Республике Беларусь составило около 80 %.

С Католической церковью себя идентифицируют 9,3 % респондентов (Гуляко 2009: 14). Интересно, что первое (летописное) известие о попытке распространения на белорусских землях христианства латинского обряда относится к эпохе Киевской Руси (1013 г.), оно связано с епископом Рейнбергом – духовником дочери польского короля Болеслава, вышедшей замуж за туровского князя Святополка. Однако миссионерская деятельность епископа закончилась заточением в Киеве, поэтому реальное начало распространения католицизма в Беларуси мы можем датировать концом XIV в., чему способствовала заключенная в 1385 г. знаменитая Кревская уния.

В наши дни около 2 % опрошенных жителей Беларуси исповедуют протестантизм (Там же), различные направления которого начали проникать на земли современной Республики Беларусь со второй четверти XVI в. Первые мусульмане, появившиеся на землях современной Гродненщины еще во времена Витовта, также внесли свой посильный вклад в разностороннее развитие белорусского народа. Однако их последователи сегодня составляют лишь 0,2 % опрошенных (Там же). Столько же – 0,2 % – высказавшихся относит себя к иудаизму (Там же). Есть данные, что первые последователи иудаизма появились на землях Беларуси еще во времена расцвета Полоцкого княжества, но более масштабное проникновение евреев на территорию современной Гродненской и Брестской областей следует датировать лишь концом XIV в.

Становится очевидным, что традиционные для Беларуси конфессии действительно имеют очень длительный опыт сожительства с белорусским народом и на самом деле они оказали немалое влияние на его формирование и историческое развитие. Однако несмотря на то, что Республика Беларусь является поликонфессиональным государством, религиозных конфликтов здесь нет. Это, по словам митрополита Филарета, Патриаршего экзарха всея Беларуси, обусловлено тем, что «почва для межнациональной и межрелигиозной розни у нас отсутствует» (Филарет 2009: 21). Мы бы добавили сюда и то, что такое положение вещей обуславливается и своеобразной ментальностью белорусского народа, а также специфическими условиями его генезиса. Поскольку в силу известных географических условий – нахождение в центре соприкосновения интересов Востока и Запада – народу, раздираемому внутренними противоречиями, особенно религиозного характера (религия, как известно, является одним из столпов духовной культуры, а также оказывает значительное влияние на политическую сферу жизни общества), если и не невозможно, то крайне трудно было бы выжить, а затем и сформировать свое независимое национальное государство.

На пресс-конференции, состоявшейся в Москве 1 февраля 2007 г., В. Путин сравнил российские традиционные конфессии с ядерным щитом, назвав их компонентами, укрепляющими российскую государственность. То же с полной уверенностью и с высоты полученного исторического опыта мы можем сказать и о

традиционных для Беларуси конфессиях, а меры, предпринимаемые государством по интенсификации отношений и созданию реально действующих совместных проектов с Православной и Католической церквями, а также с Евангелическо-лютеранской церковью, иудаизмом и исламом, можно считать конкретными шагами, направленными на укрепление фундамента этого щита⁹.

Литература

Гуляко, Л.

2007. *В Беларуси увеличилось количество верующих*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://telegraf.by/belarus/2007/05/24/rel>

2009. Уникальный опыт Беларуси. *Беларуская думка*: 5: 14–20.

Землякоў, Л. Е., Марозаў, Ю. А. 2003. Дзяржаўна-рэлігійныя адносіны на Беларусі: стан і перспектывы. *Народная асвета* 7: 7–9.

Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года). Минск: Амалфея, 2005.

О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Закон РБ, 31 окт. 2002 г., № 137-З. *Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь*. № 123 – 2/886, 2002.

Пузырёв, Д. А.

2007а. Исламский радикализм в условиях глобализации. *Вестник Могилевского государственного университета* 4: 31–36.

2007б. Религиозный фактор в международных отношениях. *Вестник МГУ*. Серия 18. Социология и политология 2: 72–87.

Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. 2009. Служение Господу и народу. *Беларуская думка* 5: 20–28.

⁹ Например, 12 июня 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной церковью. Приоритетными направлениями такого сотрудничества являются: совместное развитие общественной нравственности; воспитание; образование; культурная и творческая деятельность; охрана; восстановление и развитие исторического и культурного наследия нашего государства. В апреле 2004 г. был завершен процесс подписания 14 программ сотрудничества между Белорусским экзархатом и заинтересованными министерствами и ведомствами, в том числе была подписана и программа сотрудничества между Министерством образования РБ и Белорусской Православной Церковью. Эта программа была направлена на воспитание нравственно зрелой, духовно развитой личности, способной осознавать свою ответственность за судьбу Отечества и своего народа; содействие развитию гуманитарного, в том числе теологического и религиозического, образования в Республике Беларусь и т. д.

Фурман, Д., Каарилайнен, К. 2006. *Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века.* М.: Огни ТД. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.krotov.info/history/21/2000/furman1.htm>